

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 79–95.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 79–95.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-79-95

«МОЯ ИСПОВЕДЬ — БЕЗ МАЛЕЙШЕЙ УТАЙКИ» (ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ПРИЗНАНИЯ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА)

Людмила Федоровна Луцевич

Варшавский университет,
Варшава, Польша, l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

 Аннотация. К середине XIX века исповедальность стала главенствующей тенденцией русской литературы. Многие писатели, независимо от социальных, политических, философских, этических, эстетических установок, обращаются к исповеди/исповедальности как в художественном, так и в автобиографическом творчестве. Аполлон Григорьев также пишет исповеди поэтические и, более того, называет свои литературно-критические и эпистолярно-автобиографические тексты «литературными исповеданиями», «исповедями». В статье рассматривается письмо-исповедь Григорьева, адресованное М. П. Погодину, от 26 августа — 7 октября 1859 года. Внимание сосредоточено на «внутреннем» состоянии адресанта, стремящегося осознать «истины» как о самом

© Луцевич Л. Ф., 2022

себе, так и о внешнем окружении (уточнены имена некоторых флорентийских собеседников Григорьева). Общение с последними, как можно полагать, спровоцировало его обращение к исповедно-исповедальной тематике, в частности к вопросам «противоположности» православия и католицизма, «верований социалистов», «византийских хитросплетений» А. С. Хомякова. Отмечено опосредованное влияние романтического «шеллингизма» на трактовку Григорьевым православия как стихийно-исторического, живого, органического начала.

Ключевые слова: Аполлон Григорьев, Михаил Погодин, письмо-исповедь, православие, «шеллингизм»

Ссылка для цитирования: Луцевич Л. Ф. «Моя исповедь — без малейшей утайки» (Эпистолярные признания Аполлона Григорьева) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 79–95.
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-79-95.

To the 200th Anniversary of A. A. Grigoriev

“MY CONFESSION IS WITHOUT THE SMALLEST CONFUSION”
(EPISTOLARY CONFESSIONS OF APOLLON GRIGORIEV)

Ludmila F. Lutsevich

Warsaw University, Warszawa, Polska,
l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Abstract. By the middle of the 19th century confession became the dominant trend in Russian literature. Many writers, regardless of social, political, philosophical, ethical, aesthetic attitudes, turn to confession both in fiction and in autobiographical work. Apollon Grigoriev also writes poetic confessions and, moreover, calls his literary-critical and epistolary-autobiographical texts “literary confessions”, “confessions”. The article deals with the letter-confession of Grigoriev, addressed to M. P. Pogodin dated August 26 — October 7, 1859. Attention is focused on the “internal” state of the addresser, who seeks to realize the “truths” both about himself and about that external environment (the names of some of Grigoriev’s Florentine interlocutors are specified), communication with which, as one might assume, provoked his appeal to

confessional topics, in particular, to the issues of the opposition of Orthodoxy and Catholicism, “socialist beliefs”, “Byzantine intricacies” A. S. Khomyakov. The indirect influence of romantic “Schellingism” on Grigoriev’s interpretation of Orthodoxy as a spontaneous-historical, living, organic principle is noted.

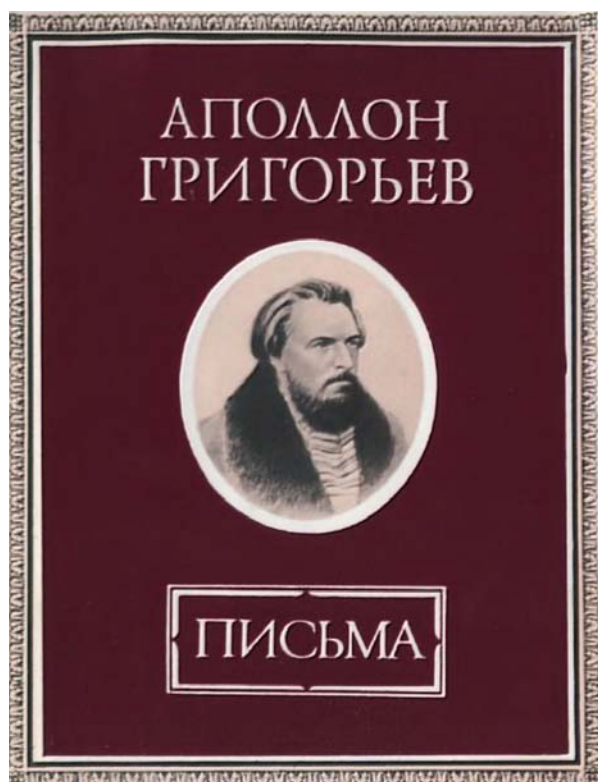
Keywords: Apollon Grigoriev, Mikhail Pogodin, confession letter, Orthodoxy, “Schellingism”

For citation: Lutsevich, L. F. (2022) “My confession is the smallest confusion’ (Epistolary Confessions of Apollon Grigoriev)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 79–95. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-79-95.

К середине XIX века исповедальность стала главенствующей тенденцией русской литературы. Это отметил Ф. М. Достоевский в 1847 году: «Почти всякий начинает разбирать, анализировать и свет, и друг друга, и себя самого. Все осматриваются и обмеривают друг друга любопытными взглядами. Наступает какая-то всеобщая исповедь» [Достоевский, 1978, т. 18, с. 27]. Массовую исповедальность как признак «ипохондри», «болезненного бессилия» поколения 1840-х годов зафиксировал и А. И. Герцен: «Молодые люди <...> все были заражены страстью самонаблюдения, самоисследования, самообвинения, они тщательно поверяли свои психические явления и любили бесконечные исповеди и рассказы о нервных событиях своей жизни» [Герцен, 1956, т. 10, с. 345].

Русские писатели, независимо от социальных, политических, философских, этических, эстетических и прочих установок, обращаются к исповеди/исповедальности как в художественном, так и в автобиографическом творчестве. Начиная с повести Николая Карамзина «Моя исповедь» (1803), исповедальность буквально пронизывает литературные произведения. Широко распространяется исповедь/исповедальность и в эго-документах. К автобиографической исповеди обращаются Петр Вяземский, Александр Орлов, Николай Гоголь, Николай Огарев, Михаил Бакунин, Василий Кельсиев, Иван Прыжов, Константин Леонтьев, Алексей Толстой, Лев Толстой и др. [Луцевич, 2020]. На первый план выдвинулась потребность личности открыться миру в своей сущности, осознать самого себя, «представить собственный внутренний мир» [Głowiński, 1988, с. 581], понять «конечные истины» о себе, своем поколении» [Ваховская, 2001, с. 320], искренне, «без утайки» рассказать о «безнравственных поступках» [Волкова, 2008, с. 85], раскрыть «смысл исповедального слова <...> не только в религиозном, но и в светском опыте» [Уваров, 1998, с. 60].

Аполлон Григорьев. Письма.
Издание подготовили Р. Виттакер,
Б. Ф. Егоров. М.: «Наука», 1999

Нередко исповеди содержатся в писательских эпистолярных (показательна в этом плане, например, переписка В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя).

Аполлон Григорьев, как и многие его современники, оказался во власти исповедальности. Он не только пишет исповеди поэтические, но и называет исповедями/исповеданиями некоторые свои литературно-критические и эпистолярно-автобиографические тексты. Исследователи (Н. Степанов, Б. Костелянец, Б. Егоров, А. Осповат, Р. Виттакер) неизменно отмечали в творчестве «последнего романтика» «исповедальность, непричесанность, субъективизм» [Егоров, 1990, т. 1, с. 7]. Как известно, в эпоху романтизма и сформировался жанр лирической исповеди [Krassowski, 1996, с. 239]. Поэтические произведения Григорьева, по словам Б. Ф. Егорова, не только «обнаженно личные», но и насыщены «болезненными состояниями души» [Егоров, 2001, с. 12]. В стихотворении «Покаяние (Из Гете)» (1845) в центре — «грешница с мольбой», изнуренная «тоской» и «горем» [Григорьев, 2001, с. 541]; в поэме «Предсмертная исповедь» (1846) — одинокий «чудак», «слабый и больной», пожелавший перед смертью «...облегчить / Прошедшим сдавленную грудь / И тайный ропот свой излить / Пред смертью хоть кому-нибудь...» [там же, с. 197]. Обращаясь к исповедям, поэты, по наблюдению Давида Кляхача, всегда «надеялись лучше узнать свое внутреннее» [Klachacz, 2008]. Григорьев не исключение. Стоит отметить также его интерес к роману Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века» (1836), где повествователь, представляющий «поколение горячее, бледное, нервное» [Григорьев, 1988, с. 11], — персонаж, нравственно и психологически близкий русскому автору.

«Литературными исповеданиями» называет Григорьев в частной переписке свои особо значимые критические статьи. Так, в письме А. В. Дружинину от 22 марта 1857 года он отмечает: «Статья будет мое полное и вполне прочувствованное *литературное исповедание*...» [Григорьев, 1999, с. 124]. А в письме М. П. Погодину от 26 января (7 февраля) 1858 года подчеркивает: «Статья моя

Флоренция. Литография XIX века.

Кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре (Cattedrale di Santa Maria del Fiore)

“О современной критике” <...> *исповедание*, долго думанное и, кажется, ясное» [там же, с. 188]. В обоих случаях речь идет о программной для критика статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства. (Посвящено А. Н. Майкову)» (1858). А чуть позже словосочетание «литературное исповедание» обретает у Григорьева более широкое значение, определяемое содержанием его мировоззренческих позиций: «Под моим чисто <...> *литературным исповеданием* кроется <...> *политическое, религиозное и общественное исповедание* (выделено мной. — Л. Л.)» [там же, с. 234]. В словаре В. И. Даля при слове «исповеданье» указано и такое значение: «задушевные убеждения вообще» [Даль, 1979, с. 54]. Григорьев, как видно, использует слово именно в таком расширенном понимании.

Ярким примером григорьевского исповедания является объемное письмо-исповедь, точнее совокупный текст, включающий 6 писем [Григорьев, 1999, с. 217–225], — своего рода эпистолярный мини-цикл, адресованный М. П. Погодину (1800–1875), от 26 августа — 7 октября 1859 года. Б. Ф. Егоров и Р. Виттакер считали, что часть этого эго-документа (письма) «обрывается на Берлине, а, наверное, включало эпизоды из петербургской жизни Григорьева до момента написания письма, но следующие его части, увы, потеряны» [Виттакер, Егоров, 1999, с. 302]. Тщательно изучив письма критика к Погодину, исследователи сделали такой вывод:

На основании писем Григорьева <...> создается впечатление, что <...> главные предметы их переписки, <...> составляли вопросы нравственности, особенно поведения самого Григорьева, и практические вопросы журналистики,

связанные с «Москвитянином». <...> Эта переписка имеет более бытовой, чем интеллектуальный характер.

[Виттакер, Егоров, 1999, с. 297–298]

Это наблюдение абсолютно справедливо относительно всего погодинского эпистолярия, но рассматриваемое письмо несколько иное. Здесь описываются события и впечатления, животрепещущие вопросы современного бытия, чувства, эмоции, душевные порывы. Наряду с автобиографическими признаниями, темами бытового характера, обсуждаются вопросы общественной жизни, религии, литературы, искусства и проч. Письмо политематично, полифункционально, ему присущи доверительность, откровенность, диалогизация. Адресант легко и свободно переходит от одной темы к другой, от одной формы дискурса к другой, учитывая особенности характера, психического склада, мирозерцания, идеологических пристрастий своего адресата, что обуславливает стилистическую неоднородность цикла. Указанные черты характерны и для авторских исповедей, отсюда и дополнительное жанровое определение — письмо-исповедь.

В данной статье из тематического многообразия григорьевского миницикла внимание сосредоточено лишь на одном — исповедно-исповедальном аспекте первого письма от 26 августа 1859 года.

Исповедальное начало здесь не просто явственно проступает, но декларируется, осмысляется, истолковывается. «Моя исповедь, — изначально подчеркивает Григорьев, — без малейшей утайки» [Григорьев, 1999, с. 217], акцентируя таким образом искренность, открытость, чистосердечность своих признаний. Далее в тексте еще имеются упоминания об этом письме как исповеди: «Я кончаю эту часть моей исповеди <...> воплем» [там же, с. 222]; «Писать эту исповедь сделалось для меня какою-то горькою отрадою» [там же, с. 224]. Кстати, это не первое письмо Григорьева к Погодину, которое названо исповедью. Например, в письме от 6 или 13 января 1856 года Григорьев указывал: «Письмо мое похоже на исповедь, потому что надобно же хоть раз высказаться совсем» [там же, с. 98]; «пусть исповедь будет полна» [там же, с. 99]. А еще ранее, 20 декабря 1842 года, он писал С. М. Соловьеву о необходимости письменного исповедания себя: «Я считаю обязанностью давать тебе отчет в моей жизни, <...> твоего голоса боюсь я, как голоса Божьего суда, каждая мерзость становится мне еще тяжелее, когда я подумаю, что *тебя* оскорбит она...» [там же, с. 5]. Исповедальность, как следует из приведенных фрагментов, — значимая черта характера Григорьева.

Большому григорьевскому письму-исповеди 1859 года предшествовало обострение, а затем и прекращение дружеских отношений с Погодиным, что

вызвало, соответственно, перерыв в переписке. Начиная письмо к Погодину 26 августа 1859 года, Григорьев планировал дать отчет своему адресату за более чем годичный период времени: «Я намерен изложить вам кратко, но с возможной полнотью, все, что случилось со мной *внутренне и внешне* с тех пор, как я не писал к вам из-за границы» [там же, с. 217]. Любая исповедь, согласно наблюдениям исследователя, как правило, «распространяется и на внешнюю, и на внутреннюю жизнь» [Уваров, 1998, с. 21]. Годом ранее в письме от 15 или 16 апреля 1858 года Григорьев описал свою встречу с Кушелевым-Безбородко, когда он принял приглашение графа участвовать в журнале «Русское слово». Погодин воспринял это решение своего подопечного с неудовольствием, послав ему, по словам Григорьева, «записку» с «увещанием поправить, что я наделал худого» [Григорьев, 1999, с. 201]. Эта «записка» (не сохранилась) и вызвала в свою очередь «последнее» письмо Григорьева к Погодину из-за границы, датированное 11 (23) мая 1858 года, где он признавался: «Я в последнее время говорил с Вами как с духовником — я имею пошлость плакать, когда пишу сии строки» [там же]. Погодин не ответил на слезное послание. С этого момента переписка корреспондентов прекратилась более чем на год. Лишь 26 августа 1859 года последовала попытка примирения.

С самого начала письма Григорьев сосредоточивается на тех душевно-духовных настроениях, которые владели им весной-летом 1858 года. Он стремится передать состояние своей *внутренней* жизни, уяснить, осознать в процессе письма некие «истины» о самом себе, а также описать *внешнее* окружение, общение с которым, как можно полагать, склонило адресанта к исповедно-исповедальной тематике. Григорьев проживал тогда в Италии в княжеском семействе Трубецких, где выполнял функции домашнего учителя 15-летнего князя Ивана Юрьевича, готовившегося к поступлению в университет. На эту службу его порекомендовал Погодин, который в период своего студенчества

Граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко. Портрет 1850-х годов. Основатель журналов «Русское слово» и «Шахматный Листок»

подрабатывал у Трубецких в качестве домашнего учителя. Несмотря на разницу в возрасте, на протяжении многих лет Григорьева связывали особые отношения с Михаилом Петровичем — его университетским профессором, идеологическим единомышленником, а затем и работодателем. Погодину адресована половина из всего эпистолярного наследия Григорьева (около 150 писем из 300 сохранившихся). Очевидно, именно благодаря Погодину — кропотливому коллекционеру-профессионалу, создателю знаменитого «Древлехранилища» — эти 150 писем и уцелели. Как известно, нет ни одного ответного письма Погодина к Григорьеву. Исследователи сокрушались: «Почти не сохранились письма григорьевских адресатов, вообще письма к нему. Полная безалаберность в быту не дала возможности Григорьеву сохранить архив: не осталось ни одного рукописного листочка, ни одной книги из собственной библиотеки» [Виттакер, Егоров, 1999, с. 293], что, безусловно, осложняет изучение ряда вопросов биографического и творческого характера.

Назвав свое письмо исповедью, то есть покаянным признанием, Григорьев, следуя, по-видимому, возникшим коннотациям, счел необходимым в первую очередь обозначить свое *внутреннее*, по его словам, состояние. Описано оно так: «Жизнь я все еще вел самую целомудренную и трезвенную, хотя целомудрие мне было физически страшно вредно — при моем темпераменте жеребца: кончилось тем, что я равнодушно не мог уже видеть даже моей прислужницы квартирной, с<ин>ьоры Линды, хоть она была и грязна, и нехороша» [Григорьев, 1999, с. 217]. *Внутренне* — психическое — состояние адресанта, как видно, обусловлено греховными помыслами, «блудными» мечтаниями. При этом автор письма прекрасно знает: «всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2:16); «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28). Признавшись в греховных помыслах, а это, как известно, обязательный компонент исповеди, далее Григорьев переходит к исповеданию своих «задушевных убеждений», своих верований, сложившихся к 1858 году (как известно, нередко «исповедь становится <...> проповедью» [Уваров, 1998, с. 27]). При этом он последовательно противопоставляет официальное «теоретическое православие» некоему личностному жизненному православию, определяемому им как «стихийно-историческое начало». Он пишет:

Теоретическое православие простиралось во мне до соблюдения всяких постов и проч. Внутри меня, собственно, жило уже другое — и какими софизмами это другое согласовалось в голове с обрядовой религиозностью — понять весь-

ма трудно простому смыслу, но очень легко смыслу, искушенному всякими доктринами.

[Григорьев, 1999, с. 217]

Под «теоретическим православием», по сути, Григорьев понимает православное догматическое богословие — совокупность вероучительных истин, утвержденных Вселенскими и Поместными соборами, выраженных в трудах Святых Отцов и учителей Церкви, в богослужебных книгах, древних обычаях Церкви. Всё это он хорошо знал. Здесь можно вспомнить и о традиционном воспитании в семье с его «обрядовой религиозностью», и об университетском образовании, включавшем на юридическом факультете Московского университета с 1830-х годов обязательные курсы догматического и нравственного богословия, церковной истории (общей и русской), церковного законовещения.

В Италии Григорьев имел возможность обсуждать вопросы вероисповедания, вероятно, с тремя собеседниками: Иваном Егоровичем Бецким (1818–1890), Платоном Петровичем Травлинским (1825–1888) и Марией Сергеевной Ольхиной. Иван Егорович Бецкой — домашний учитель Закона Божьего у Трубецких. О нем Б. Ф. Егоров писал: «Бецкой был незаконнорожденным сыном или потомком незаконного сына кого-то из Трубецких» [Егоров, 2000, с. 152]. Исследователь пытался установить родственные связи между Иваном Егоровичем

Иван Егорович Бецкий (1818–1890) — писатель, издатель, чиновник, меценат

и екатерининским вельможей Иваном Ивановичем Бецким, к сожалению, безрезультатно. П. Г. Усенко, сотрудник Института истории Украины, указал о Бецком такие сведения: «внебрачный сын князя Ю. Трубецкого, записан московским мещанином. Воспитан М. Погодиным» [Усенко, 2003, т. 1, с. 247]. Отношения Григорьева с Бецким, как известно, не сложились. Критик отзывается о коллеге резко негативно: «Пакостный экстракт холопствующей, шпионничающей и надувающей церкви» [Григорьев, 1999, с. 217]. Но о двух других собеседниках пишет хотя и не без иронии, но в целом позитивно: это «замечательно восприимчивый субъект, флорентийский поп, и <...> благородная, серьезная

Аполлон Григорьев.
Фото конца 1850-х годов. Петербург

женщина» [Григорьев, 1999, с. 217]. Флорентийский поп — тогда 34-летний русский священник Платон Петрович Травлинский [Полный православный ... , 1913, т. 2, стб. 2172] — воспитанник Санкт-Петербургской духовной семинарии, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, с 1856 года священник домового храма первого князя Сан-Дonato Анатолия Николаевича Демидова (1812–1873). С 12 января 1857 года Платон Петрович назначен священником церкви Святого и Чудотворца Николая. «Флорентийский поп» тогда в Италии стал духовным отцом Григорьева. А «благородная, серьезная женщина», с которой он обсуждал проблемы религиозно-нравственного характера, — это не Варвара Александровна Ольхина (урожд. Беклемешева, 1850–1881), жена адвоката Александра Александровича Ольхина, как предполагал Б. Ф. Егоров (Варваре Александровне на момент предполагаемой встречи с Григорьевым было бы всего 7–8 лет), а Мария Сергеевна Ольхина — мать этого адвоката и впоследствии известная начальница Мариинского института¹.

Как вытекает из первого письма цикла, в процессе общения Григорьева с духовником Платоном Травлинским, «увлекаемым своим впечатлительным сердцем к лжемудрию о свободе», и «благородной, серьезной» Марией Сергеевной обсуждались проблемы современной веры и церкви. В письме критик

Как вытекает из первого письма цикла, в процессе общения Григорьева с духовником Платоном Травлинским, «увлекаемым своим впечатлительным сердцем к лжемудрию о свободе», и «благородной, серьезной» Марией Сергеевной обсуждались проблемы современной веры и церкви. В письме критик

¹ Ольхина Мария Сергеевна (урожд. Кусова, 1817–1910) вышла замуж за потомственного дворянина Санкт-Петербургской губернии артиллерийского офицера Александра Александровича Ольхина, сделавшего блестящую карьеру. С 1834 года служил в 3-й артиллерийской бригаде. С начала 1840 года до середины 1843 года — адъютант начальника штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера. С 1852 года — полковник, с 1855-го — генерал-майор, начальник полковой артиллерии Финляндии. С 1860 года переведен в Петербург, генерал-лейтенант. До самой своей смерти (7 сентября 1873 года) — член Главного артиллерийского управления. У Марии Сергеевны и Александра Александровича было три сына и три дочери: Александр (адвокат), Сергей, Николай, Мария, Елизавета и Фаина. В 1863 году в возрасте 46 лет Мария Сергеевна получила предложение от великой княгини Елены Павловны занять место начальницы Мариинского института, где, блестяще исполняя свои обязанности, прослужила до 1903 года. См. URL: <http://sch163.acentr.gov.spb.ru/history/olhina.htm> (дата обращения: 29.07.2022).

отразил некоторые вопросы своего «религиозного и общественного исповедания», в частности о противоположности православия и католицизма, о «верованиях социалистов», о «византийских хитросплетениях» [Григорьев, 1999, с. 217–218] А. С. Хомякова.

Григорьев и ранее размышлял о различиях православия и католицизма, писал о своей «вражде к официальному православию» [там же, с. 111, с. 157]. Особенно подробно эти темы развиты в письмах к В. П. Боткину (конец апреля (после 26) 1856 года) [там же, с. 109–112] и Е. Н. Эдельсону (13 (25) декабря 1857 года) из Флоренции [там же, с. 170–173]. Но только сейчас, в 1858 году, по признанию, он наконец понял — «ясно, как день» — характер своего верования, свое коренное «убеждение»:

Оказывалось, что под православием разумею я сам для себя просто известное, стихийно-историческое начало, которому суждено еще жить и дать новые формы жизни, искусства, в противоположность другому, уже отжившему и давшему свой мир, свой цвет началу — католицизму. Что это начало, на почве славянства, и преимущественно великорусского славянства, с широтою его нравственного захвата — должно обновить мир, — вот что стало для меня уже не смутным, а простым верованием — перед которым верования официальной церкви иже о Христе жандармствующих стали мне положительно скверны.

[Там же, с. 217]

К этому убеждению Григорьев окончательно пришел не только в результате длительных самостоятельных размышлений, но и под влиянием обсуждения религиозных вопросов с флорентийскими собеседниками. Православие у критика является основой миропонимания, что не исключало необходимости поиска скрытого смысла христианских идей, более глубокого, чем тот, который выражен в официальной версии христианства. К официальной церкви, как и ко всему бюрократически ограниченному, Григорьев относился скептически.

Что касается вопроса о «верованиях социалистов», то здесь следует иметь в

Михаил Петрович Погодин.
Литография 1850-х годов

виду, что во Флоренции одним из немногих «знакомых» Григорьева из нерусских иностранцев был Демосфен Оливье (1799–1884) — участник революции 1848 года во Франции. Стойкий республиканец выступал против политики Луи-Наполеона Бонапарта, подвергался арестам, был выслан из Франции. Беседы с ним возвращали Григорьева к размышлениям о «догматизированных» идеях социализма, которые, как он признавался, «не переваривала никогда моя душа» [там же, с. 158]. Краткое общение с французским эмигрантом убедило Григорьева в том, что «верования социалистов в лице благороднейшего, возвышенного старого ребенка, изгнанника Демостена Оливье», являются несостоятельными, «ребяческими и теоретически жалкими» [там же, с. 217–218]. В «верованиях социалистов» Григорьев видел «материальное благосостояние, однообразие», раз и навсегда установленные равенство, братство, справедливость, что формирует «отвлеченное, однообразное, форменное, мундирное человечество» [там же, с. 128]. Для «последнего романтика» жизнь в первую очередь духовна, значит, проблемы ее следует решать не в области материальных отношений, а в сфере «духа»: в религии, искусстве, культуре.

Особое внимание Григорьева привлекла тогда брошюра А. С. Хомякова «Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях, по поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры», вышедшая на французском языке [Khomyakov, 1858]. И к публикации, и к ее автору Григорьев отнесся откровенно иронически. Содержание «малой по объему и великой по содержанию брошюрки» в общих чертах, по мнению критика, таково:

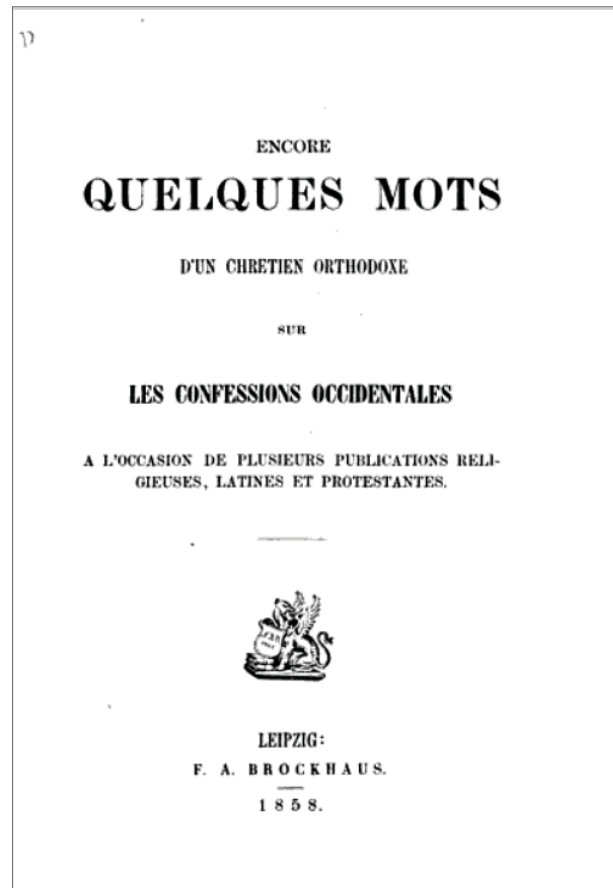
Идея Христа и понимание Библии, раздвигающиеся, расширяющиеся с расширением сознания общины, соборно, в противоположность омертвлению идеи Христа и остановке понимания Библии в католичестве и в противоположность раздроблению Христа на личности и произвольно-личному толкованию Библии в протестантизме — таков широкий смысл <...> брошюрки.

[Григорьев, 1999, с. 218]

Автор ее, по словам Григорьева, «великий», «милейший, умнейший софист», но брошюра его — сплошное «надувательство» [там же]. Григорьев несправедлив к Хомякову, увидев в брошюре лишь «догматическое» восприятие католичества и протестантизма и «не заметив» ни хомяковского неприятия рационализма, ни толкования православной церкви как живого организма. Не принимая официальной трактовки церкви, он механически перенес свою негативную оценку на ее позитивную интерпретацию Хомяковым. В современном

обсуждении вопросов православной веры и церкви критик видит слишком много «теории» — отвлеченной, казенной, мертвенной, далекой от истинно духовных потребностей человека. В сфере «внутреннего» мира для него продолжает оставаться актуальным «шеллингизм» — «бессистемный и беспредельный», «ибо он — жизнь, а не теория» [там же]. Теория — это рационалистический взгляд на действительность, умозрительность, односторонний «логизм»; жизнь — это «нечто неисчерпаемое, необъятная ширь, в которой нередко исчезает, как волна в океане, логический вывод» [Григорьев, 2008, с. 154]; жизнь — это цельность, органичность, неисчерпаемость, познание ее возможно только с помощью органического «аналога жизни» — искусства. Упоминание о «шеллингизме» в данном контексте дает основание отметить влияние романтического «шеллингизма» на трактовку Григорьевым православия как стихийно-исторического, живого, органического начала.

Первое исповедальное письмо цикла, как видно, воспроизводит значимые аспекты *внутренней* жизни Аполлона Григорьева за границей в 1858 году. В развитие темы органичности (православия, искусства), столь ценимой Григорьевым, стоит подчеркнуть, что «исповедь, — в толковании современного исследователя, — это сама жизнь <...>. Она возникает органично и ценна тем, что прочитывается как текст жизни» [Уваров, 1998, с. 24]. Думается, не будет преувеличением в заключение отметить, что текст творческой жизни Аполлона Григорьева в целом определяет именно исповедальность как наиболее характерная для него форма самовыражения.

[Khomyakov A. S.] *Encore quelques mots d'un Chretien orthodoxe sur les confessions occidentales, a l'occasion de plusieurs publications religieuses, latinet et protestantes.* Leipzig, 1858. 110 c.

Список источников

- Ваховская А. М.* Исповедь // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 320.
- Виттакер Р., Егоров Б. Ф.* Жизнь Григорьева в письмах // *Григорьев А. А.* Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 293–319.
- Волкова Т. Н.* Исповедь // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной Intrada 2008. С. 85.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 томах / гл. ред. В. П. Волгин и др. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 10: Былое и думы. 1852–1856. Ч. 5. 536 с.
- Григорьев А. А.* Мои литературные и нравственные скитальчества // *Григорьев А. А.* Воспоминания / изд. подгот. Б. Ф. Егоров. Л.: Наука, 1988. С. 5–82.
- Григорьев А. А.* Парадоксы органической критики (Письма к Ф. М. Достоевскому) // *Григорьев А. А.* Апология почвенничества / сост. и коммент. А. В. Белов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 149–183.
- Григорьев А. А.* Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров; отв. ред. И. Г. Птушкина. М.: Наука, 1999. 473 с.
- Григорьев А. А.* Стихотворения. Поэмы. Драмы / подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. СПб.: Академический проект, 2001. 758 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2: И–О. 779 с.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Ленингр. отд-ние, 1978. Т. 18: Статьи и заметки. 1845–1861. 371 с.
- Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев. М.: Молодая гвардия, 2000. 219 с.
- Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — поэт // *Григорьев А. А.* Стихотворения. Поэмы. Драмы / подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. СПб.: Академический проект, 2001. С. 5–47.
- Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — поэт, прозаик, критик // *Григорьев А. А.* Сочинения: в 2 т. / под ред. Б. Ф. Егорова и А. Л. Осповата. М.: Худ. лит., 1990. Т. 1. С. 5–26.
- Луцевич Л. Ф.* Автобиографические исповеди в литературе: Претексты. Тексты. Контексты. М.: Наука, 2020. 502 с.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, [1913]. Т. 2: Стб. 1131–2464.
- Уваров М. С.* Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. 245 с.
- Усенко П. Г.* Бецький Іван Єгорович // Енциклопедія історії України: у 10 т. [укр.] / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. Інститут історії України НАН України. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 1: А–В. С. 247.

Głowiński Michał. Wyznania // Słownik terminów literackich / Red. J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa. Wrocław: Ossolineum, 1988. S. 581.

[Khomyakov A. S.] Encore quelques mots d'un Chretien orthodoxe sur les confessions occidentales, a l'occasion de plusieurs publications religieuses, latinet et protestantes. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1858. 110 с.

Klachacz Dawid. Konfesyjność, czyli “ja wyznaję”: Kilka uwag o literaturze anglo-amerykańskiej. Data publikacji: 2008-02-28 22:42:52. URL: <https://www.granice.pl/publicystyka/konfesyjnosc-czyli-ja-wyznaje8221-kilka-uwag-o-literaturze-anglo-amerykanskiej/272/1> (дата обращения: 29.07.2022).

Krassowski Michał. Wyznanie // Leksykon terminów literackich / Oprac. M. Krasowski. Warszawa: Wydawnictwo Twój Styl, 1996. P. 239.

References

Dal', V. I. (1979) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 tomakh. Tom 2: I–O* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: 4 vols. Vol. 2: I–O]. Moscow: Russkij jazyk Publ.

Dostoevskij, F. M. (1978) *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomakh. Tom 18: Stat'i i zametki. 1845–1861* [Complete Works: in 30 vols. Vol. 18: Articles and Notes. 1845–1861]. Text prep., notes, comp. by E. I. Kiiko et al.]. Leningrad: Nauka Publ.

Egorov, B. F. (1990) “Apollon Grigor'ev — pojet, prozaik, kritik” [“Apollon Grigoriev — Poet, Prose Writer, Critic”], in Grigor'ev, A. A. *Sochinenija: v 2 tomakh. Tom 1* [Works: 2 vols. Vol. 1]. Ed. by B. F. Egorov and A. L. Ospovat. Moscow: Hud. lit. Publ., pp. 5–26.

Egorov, B. F. (2000) *Apollon Grigor'ev* [Apollon Grigoriev]. Moscow: Molodaja gvardija Publ.

Egorov, B. F. (2001) “Apollon Grigor'ev — pojet” [“Apollon Grigoriev — Poet”], in Grigor'ev, A. A. *Stihotvorenija. Pojemy. Dramy* [Poetry. Poems. Drama]. Prep. of the text, comp., introductory article and notes by B. F. Egorov. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., pp. 5–47.

Gercen, A. I. (1956) *Sobranie sochinenij: v 30 tomakh. T. 10: Byloe i dumy. 1852–1856. Ch. 5* [Collected Works: in 30 vols. Vol. 10: Past and Thoughts. 1852–1856. Part 5]. Ed. by Ja. E. Jel'sberg. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ.

Głowiński, Michał (1988) *Wyznania, w: Słownik terminów literackich*. Ed. by J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa. Wrocław: Ossolineum.

Grigor'ev, A. A. (1988) “Moi literaturnye i npravstvennyye skital'chestva” [“My Literary and Moral Wanderings”], in Grigor'ev, Apollon. *Vospominanija* [The Memoirs]. Ed. prep. by B. F. Egorov. Series “Literary Monuments”. Leningrad: Nauka Publ., pp. 5–82.

Grigor'ev, A. A. (1999) *Pis'ma [Letters]*. Ed. prep. by R. Whittaker, B. F. Egorov; Managing editor I. G. Ptushkina. Moscow: Nauka Publ.

Grigor'ev, A. A. (2001) *Stihotvorenija. Pojemy. Dramy [Poetry. Poems. Drama]*. Prep. of the text, comp., introductory article and notes by B. F. Egorov. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ.

Grigor'ev, A. A. (2008) "Paradoksy organicheskoj kritiki (Pis'ma k F. M. Dostoevskomu)" ["Paradoxes of Organic Criticism (Letters to F. M. Dostoevsky)"], in Grigor'ev A. A. *Apologija pochvennichestva [Apologia of Pochvennichestvo]*. Comp. and comments by A. V. Belov. Moscow: Institut russkoj civilizacii Publ., pp. 149–183.

[Khomyakov, A. S.] (1858) *Encore quelques mots d'un Chretien orthodoxe sur les confessions occidentales, a l'occasion de plusieurs publications religieuses, latinet et protestantes*. Leipzig: F. A. Brockhaus.

Klachacz, Dawid (2008) *Konfesyjność, czyli "ja wyznaję": Kilka uwag o literaturze anglo-amerykańskiej*. Available at: URL: <https://www.granice.pl/publicystyka/konfesyjnosc-czyli-ja-wyznaje8221-kilka-uwag-o-literaturze-anglo-amerykanskiej/272/1> (Accessed: 29.07.2022).

Krassowski, Michał (1996) "Wyznanie", in *Leksykon terminów literackich*. Oprac. M. Krassowski. Warszawa: Wydawnictwo Twój Styl, p. 239.

Lucevich, L. F. (2020) *Avtobiograficheskie ispovedi v literature: Preteksty. Teksty. Konteksty [Autobiographical Confessions in Literature: Pretexts. Texts. Contexts]*. Moscow: Nauka Publ.

Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij jenciklopedičeskij slovar': v 2 tomakh. Tom 2 [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary: 2 vols. Vol 2] (1913) St. Petersburg: P. P. Sojkin Publ., column 1131–2464.

Usenko, P. G. (2003) "Bec'kij Ivan Egorovich" ["Betsky Ivan Egorovich"], in *Enciklopedija istorii Ukraïni: u 10 tomakh. Tom 1: A–V, (ukr.) [Encyclopedia of the Pistory of Ukraine]*. Kiïv: Naukova dumka Publ., p. 247.

Uvarov, M. S. (1998) *Arhitektonika ispovedal'nogo slova [Architectonics of the Confessional Words]*. St. Petersburg: Aletejja Publ.

Vahovskaja, A. M. (2001) "Ispoved'" ["Confession"], in *Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]*. Moscow: Intelvak Publ., pp. 320–321.

Vittaker, R., Egorov, B. F. (1999) "Zhizn' Grigor'eva v pis'mah" ["Grigoriev's Life in the Letters"], in Grigor'ev, A. A. *Pis'ma [Letters]*. Ed. prep. By R. Whittaker, B. F. Egorov]. Moscow: Nauka Publ., pp. 293–319.

Volkova, T. N. (2008) "Ispoved'" ["Confession"], in *Pojetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij [Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts]*. Moscow: Izd. Kulaginoj Intrada Publ., pp. 85–86.

Информация об авторе: Л. Ф. Луцевич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и межкультурных исследований Института специальной и межкультурной коммуникации Факультета прикладной лингвистики Варшавского университета. Адрес: Polska, 00-312, Warszawa, ul. Dobra, 55.

Information about the author: L. F. Lutsevich — DSc in Philology, Professor of the Department of Literature and Intercultural Studies at the Institute of Special and Intercultural Communication, Faculty of Applied Linguistics of the Warsaw University. Address: 55 Dobra ul., Warszawa, 00-312, Polska.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 02.08.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.